

Самиздат

Трагедии русских поэтов

СТИХИ

Анатолия Мармазова

Ум полон желчи, полон яда... Памяти А. Грибоедова

Александр Сергеевич Грибоедов (15 января 1795, Москва — 11 февраля 1829, Тегеран — русский дипломат, поэт, драматург)

Ум полон желчи, полон яда, -
И задевать его не надо,
Пусть даже в шутку...
Никогда!
Коль он ужалит, так беда!
А между тем не каждый знает,
Как он, отчаявшись, страдает,
Как ждет ночами у окна
Прихода тягостного сна,
Ведь суждено ему отныне
Жить без оазиса в пустыне...
Что ж вы наделали, друзья:
Дворяне, рыцари, князья?
В тщете своей помочь народу,
Вы в пропасть ухнули, как в воду.
Он спас себя, врагам назло,
А вам, увы, не повезло.
Он спас себя – вот мир дурацкий! –
Чтобы Молчалиным стал Чацкий,
Чтоб, честно родине служа,
Себя расстратить до гроша,
Когда и смерть принять – не пытка,
А лишь последняя попытка
Не тело брренное спасти,
А душу...
Господи... прости!

Завещание. Памяти В. Раевского

Владимир Федосеевич Раевский (русский поэт, публицист, декабрист, годы жизни 28 марта (8 апреля) 1795 - 8(20) июля 1872 гг). Участник войны 1812г.

Ну, вот и все. Пришла пора расстаться.
Я уйду. С судьбой окончен спор.
Кто победил? – Не стоит обольщаться.
Но жизнь мою не ставьте мне в укор
За нрав души и страшные потери,
За гром войны и гнев высоких лиц...
Пора открыть моей темницы двери
И стать вольней, чем стаи вольных птиц,
Коль вышел срок... Живите, не скучайте!
Удачи вам в отеческом краю!
А вспомнюсь я, - тогда уж вспоминайте
Как воина, погибшего в бою.
Не надо слез. вы их из глаз гоните,
Как я их гнал, судьбе моей назло,
И там, в степи, меня похороните,
Где будет мне просторно и светло!

Черные глаза. Памяти А. Полежаева

Александр Иванович Полежаев, русский поэт и переводчик (30 августа (11 сентября) 1804 - 16 (28) января 1838)

Студент и царь

Царь был грозен и неистов,
И в своих сужденьях краток, -
После казни декабристов
Наводил в стране порядок.
И под эту «чистку леса»
За греховные стишата
Молодой студент-повеса
Был однажды сдан в солдаты.
Он не ждал судьбу такую,
В разбитном кругу вращаясь...
Прямо в лоб его целуя,
Царь сказал ему, прощаясь:
«Верной службой постарайся
Ты добиться искупленья.
Станет худо – обращайся,
Помогу без промедленья!»
Был студент – худой и бледный;
Царь отвел глаза устало, -
Видно, жалко в миг последний
Глупой молодости стало.
Сердцем чувствовал, быть может,

Соответствуя моменту, -
Не ответит, не поможет
Заплутавшему студенту.
Прожил тот всю жизнь в казармах,
Много бед вкусив при этом,
Чтоб без лоска и без шарма
Просто – русским стать поэтом!

В походе

Далека ты, путь-дороженька.
Пыль клубится позади.
От ходьбы устали ноженьки,
Нету воздуха в груди.
Наклонилось небо знойное
Над засохшею стерней.
Бьется сердце беспокойное
Под сермяжною "броней".
Безоглядна даль свободная,
И привычны для нее
Снаряжение походное
И солдатское ружье.
Схватки жаркие, военные
Сердцу чудятся уже.
Пожеланья сокровенные
Есть у каждого в душе.
С виду все – ребята brave,
Но под спудом долгих лет
Тают силушки немалые, -
Ни семьи, ни дома нет.
Командиры только лаются
На служивых там и тут,
Ко всему-то придираются
И пощады не дают.
Зуботычиной с угрозами
Бедных потчевать – не грех,
Да и «каши» той, березовой,
Хватит вволюшку на всех!
Ох, не мед ты, служба царская! -
То походы, то муштра.
Масса серая, солдатская
В поле движется с утра.

Черные глаза

Был тих и нежен голос лета
Впервые за десяток лет.
Душа несчастного поэта
Летела бабочкой на свет.
Водили в селах хороводы,
По рощам пели соловьи, -
А он смотрел в речные воды,

Забыв про беды все свои.
Луч света лунного плескался,
С ресницы капала слеза.
И образ женский появлялся:
И стан... и черные глаза.
В них часто видел он участие,
Того не зная наперед,
Что краткий миг земного счастья
Его до смерти обожжет.
Что он, стремясь душою грешной
Быть с райской жизнью заодно,
Лишь полнит болью ад кромешный,
Куда вернуться суждено.
Судьба измучила поэта
И будет мучить все сильнее...
От вспышки радостного света
Глухая ночь – еще темней!

Покой

Простой солдатский лазарет,
Наполненный тоской и болью, -
Российский мученик-поэт
Там доживал свою неволю.
Не взглядом огненным на мир
Смотрел он в этот раз, но кротко.
К груди прижалась, как вампир,
Неотвратимая чахотка.
Все было в прошлом: гнев царя –
И годы, полные мытарства,
Когда он, мщением горя,
Писал стихи свои... и пьянство
От безысходности, и вновь,
Душой приемля словно ласку,
Он вспоминал свою любовь,
Любовь, похожую на сказку!
И вспоминал, покою рад,
Покуда рок не пробил часа,
Своих товарищей-солдат
И покорение Кавказа,
Плоды бунтарства своего,
В стихи излитые из груди...
И много-много из того,
Что было – жизнь его, по сути!

Любовь и богатырь. Памяти А.К. Толстого

Толстой Алексей Константинович, граф (24 августа (5 сентября) 1817 - 28 сентября (10 октября) 1875), русский поэт, прозаик, драматург

Кукушка

На лесной опушке
Вольно куковать.
Что ты мне, кукушка,
Хочешь передать?
Над полями тает
Солнечный сполох.
Тихо засыпает
Милый Красный Рог.
Сон смягчает лица,
Дарит всем покой, -
Только мне не спится
В клетке золотой.
От тоски, от боли
Слезы я таю:
Нет желанной воли
Мне в родном краю!
Теплится высоко
Звездочка, дрожа, -
Так же одинока
И моя душа.
Так судьба сулила
Жить мне до седин:
Даже рядом с милой
Я совсем один!
Но в любую стужу,
В горести любой
Мне врачует душу

Край мой дорогой...
За столом дубовым
Правлю я строку,
А из леса снова
Слышится: «Ку-ку».

Любовь и богатырь

Не помогла родная ширь.
Не помогли леса и степи.
Закован русский богатырь
В любви невидимые цепи.
Пришла беда под мирный кров,
Которой горше не бывает, -
И он под бременем оков
Уже совсем изнемогает.
Когда с томлением в груди
Ее он молит без успеха:
«От тяжких дум освободи!» -
В ответ хохочет голос эха.
Не может жить без тайных слез
Любви неистовая сила.
Свое он сердце в дар принес, -
Она ж его поработила!
Она таила до венца
Свои жестокие мученья,
Она не губит до конца –
И не дает успокоенья...
А между тем, ему вослед
Я повторю стократ сначала,
Что ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало!

Предзнаменование

Над Красным Рогом небо разгоралось
Мерцающим, каким-то робким светом.
И осени дыхание касалось
Его волос с ласкающим приветом.
Был занят ум поэзией былинной,
Но, вызвав вдруг немало интереса,
Присел глухарь на ветке тополиной –
Нежданный гость из сумрачного леса.
Боль одарила краткой передышкой,
И жизнь звала, как чистая страница...
Он на него ходил еще мальчишкой...
Но не боясь поднялась в воздух птица.
«Должно быть, смерть за мною прилетала», -
Сказал поэт, печально улыбаясь,
И обнял мир душою, с ним прощаясь...
Спустя три дня его, увы, не стало.

В слезной соли тщательно вымачивай... Памяти В. Нарбута

Владимир Иванович Нарбут — русский поэт и литературный критик, акмеист (14 апреля 1888 - 14 апреля 1938)

В слезной соли тщательно вымачивай
И на каждом слове горб набей, -
Только, как свой стих ни раскорячивай,
Жизнь всегда сложнее... и больней!
Прячет свет под грубую одежду
Образ, не истершийся до дыр, -
Но, смешав отчаянье с надеждою,
Вряд ли ты исправишь этот мир.
Ведь, пока привычных слов чураешься,
В черный цвет их выкрасив сурьмой,
По кусочкам с телом распрощаешься,
А потом – и с жизнью самой!
Будешь ты не стих кайлом обтесывать,
Голос ветра пробуя на слух, -
А с надсадой волосы расчесывать
Самых злых "серебряных старух".
И в мертвящем свете снежной замяти,
Гнет бессилья чувствуя в крови,
Вспоминать отчаянно, по памяти,
Те слова простые – о любви!

Незаконность. Памяти В. Жуковского

Жуковский Василий Андреевич (29 января (9 февраля) 1783 – 12 (24) апреля 1852) – русский поэт, переводчик

Незаконность

Певец тиши уединенья
И жизни, чудной, словно сон,
Был незаконного рожденья
И незаконно был влюблен.
В богатом доме лишь служанка,
С нездешней смуглости лицом,
Его родила мать-турчанка,
А русский барин был отцом.
В огне любви неистребимой
Он сердце нежное обжег,
Когда с племянницей любимой
Связать судьбу свою не смог.
Как лет текущих монотонность,
Как грусть, которой не избыть,
Давила душу незаконность
И не давала мирно жить.
Но, взгляд склоняя к водам сонным
Иль видя мир в большой крови,
Он жил по собственным законам,
Законам правды и любви.
К добру и свету соучастье
Сильней, чем мнимые грехи...
И, не изведав в жизни счастья,
Слагал он чудные стихи!

Маша

Задорный вид, и голос звонок.
Звучит ее хрустальный смех...

Она – совсем еще ребенок.
Прости, Господь, мне этот грех!
Такую долю как неволю
Не пожелаешь и врагу.
Из "кубка грез" испил я вволю,
Жить без нее уж не могу!
Сперва не пóнял, что со мною,
Потом сдержатъ себя решил.
Любовь нахлынула волною,
Сопротивляться нету сил!
Мне тосковать о ней доколе
И прятать слезы на глазах?
Ее я вижу в чистом поле,
Ее я вижу в небесах!
Но где ж любви моей истоки?
И эта боль – по чьей вине?
Мне не идут на ум уроки,
Она смущается при мне.
Я самому себе мучитель
И таю в грезах вновь и вновь...
Наверно, я – плохой учитель,
Коль мне соперница – любовь!

Тоска по родине

Старинных церквей перезвон,
Спокойная в речке вода...
Мне снится, как радостный сон,
Мое возвращенье туда,
Где в блеске весеннего дня
Покоится мирно село
И где ожидают меня
Все те, кого помню светло.
В разлуке страдая и мучась,
Их мне наяву не обнять.
Какая жестокая участь –
Под небом чужим умирать!
Мне грусти моей не избыть,
Душа бесконечно пуста.
Не смог я с годами забыть
Навеки родные места.
И в каждом чарующем сне
Я вижу с годами ясней,
Как Маша - живая! - ко мне
Навстречу бежит из дверей.
Далекое, милое снится
В холодном для сердца краю...
Как хочется мне возвратиться
В весеннюю сказку мою!

Тишина. Памяти Н. Гумилева

Николай Степанович Гумилёв — русский поэт Серебряного века, создатель школы акмеизма, прозаик, переводчик и литературный критик (15 апреля 1886 - 26 августа 1921)

В пределах гибнущей страны
Стоял спокойно у стены,
Курил, задумчиво смотрел
На то, как месяц в небе млел,
Вкушая сладостные сны
В объятьях полной тишины,
Которой жить осталось – миг,
Окурок бросил (сердце – в крик,
Прощаясь с жизнью непростой),
Окинул взглядом серый строй
Угрюмых глаз и сжатых ртов:
«Ну, что ж, ребята, я – готов!»

Мечта. Памяти А. Дельвига

Дельвиг Антон Антонович (6.08.1798-14.01.1831), русский поэт, критик, журналист

Мечта

Жить он хотел без тоски и печали,
Розы лелея в душевном тепле,
Чтобы они каждый год расцветали
Даже в мороз на российской земле.
Пусть его часто пытались обидеть
Словом бесчестным иль глаз пустотой,
В веке железном мечтал он увидеть
Самый желаннейший век – золотой.
Словно источник веселья и света,
Был он в кругу вдохновенных друзей...
Злоба людская ль сгубила поэта
Или простуда горячкой своей?
Только все чудится в сумраке мгlistом, –
Видно, так хочет подспудно душа, –
Красная роза в снегу серебристом,
Так нереальна... и так хороша!

Забавно

Тащил по жизни груз.
Намаялся с женою.
Отяжелел, обрюзг
И телом и душою.
Счастливым хоть на миг

Хотел быть... Все без толку!
Заботясь о других,
Сам «зубы клал на полку».
Стал двери запирасть,
Не выходить наружу
И хмелем заливать
Обугленную душу.
Лишь горести – всерьез!
Все прочее – бесславно.
Пошла наперекос
Вся жизнь его...
Забавно...

Забавно - любимое словечко Дельви́га

In vino veritas. Памяти А. Блока

Блок Александр Александрович (28 ноября 1880 — 07 августа 1921), русский поэт, писатель, публицист, драматург, переводчик, литературный критик

Л.Д.М.

Забьется сердце с новой силой, -
И канут призраки на дно.
Прекрасной Дамы облик милый
Искать мне в жизни суждено.
Таить сомнения – и верить,
И с безнадежной верой жить,
Тоскою жизнь свою измерить –
И чашу винную испить.
Страстям своим дать новый повод
Взлететь над пышной пустотой –
И снова видеть страшный холод
Под неотступной красотой.
Средь женских чар блуждать отважно,
Когда бросает тело в дрожь
И сердцу, кажется, неважно,
Что в чудной сказке скрыта ложь...

Чтоб только, жизнь свою итожа,
С улыбкой смертной на лице,
Понять, что все – одно и то же:
В начале – ты и ты – в конце!

Л.Д.М - Любовь Дмитриевна Менделеева, жена Блока

In vino veritas

Без веры трудно жить страдая,
Не лучше ль верить и страдать?
Но как нам ждать земного рая,
Когда душа устала ждать?
Как нам понять натурой грешной:
В своем стремленье к высоте
Разрушить можно мир свой прежний –
И оказаться в пустоте!
Чтоб в жизни,
Выхода не зная,
Искать потерянную твердь,
С минутой каждой понимая,
Что лучший выход – это смерть!
Так пусть душою нашей правит
Хмельное буйство кабака,
Где хоть на миг ее оставит
Вином залитая тоска!

Отчаянье. Памяти В. Кюхельбекера

Вильгельм Карлович Кюхельбекер — русский поэт и общественный деятель, декабрист (21 июня 1797 - 23 августа 1846)

Отчаянье

К той, прежней, жизни нет возврата, -
Понять у здания Сената
Нам это было суждено,
Когда пролилась, как вино,
На снег холодный кровь людская,
Когда увидели страдая
Мы слабость в собственных рядах,
Когда в нас бил из пушек враг
За то, что мы всему народу
Хотели дать в тот день свободу,
Чтоб, рабства подлого не зная,
Жила и крепла Русь святая...

Несчастные мои друзья
В цепях да вместе, - только я
Сижу один в своей темнице
И по ночам, смежа ресницы,
Молю о смерти лишь Творца, -
Моим мученьям нет конца
И нет надежды на спасенье, -
Лишь только память в утешенье
Душе тоскующей моей
Дарует образы друзей,
Что в полуночной тишине
Порой являются ко мне...

Но как же давит эта тишь!
Когда не гредишь и не спишь,
Когда близ сердца, чуть живого,
Не слышно даже часового,
И только пятнышко свечи
Едва лишь теплится в ночи...
Не страшных пыток, не могилы, -
Боюсь за тех, что сердцу милы,
Боюсь не окриков грубых,
А горя близких и родных,
Но им, увы, из заточенья
Не в силах дать успокоенья!..

Письмо Дуни

Как за окном осенним листья,
Так слезы падают из глаз.
Ах, эти письма, ваши письма,
В них я уже не вижу вас!
Вы там совсем, наверно, сникли,
В той невозвратной стороне,
И от меня, мой друг, отвыкли,
От прежних мыслей обо мне.
Мое к вам чувство не забыто,
Но, все ж, душа – не божий храм,
И я сказать должна открыто,
Что не решаюсь ехать к вам.
Не будет радости, я знаю, -
Стареет сердце, жизнь идет;
И я совсем не та – другая,
Боюсь, и вы уже не тот;
И в нас не вспыхнет с новой силой
Любовь, истлевшая дотла...
Не обижайтесь, друг мой милый,
Ведь это молодость прошла!
По встречам памятным тоскую,
На ваш портрет смотрю сейчас...
Я вас в последний раз целую
И к вам пишу в последний раз!

Свобода

Все кончено.
Немного уж осталось.
Пора и мне, страдальцу, на покой.
Наверно, смерть в дороге задержалась.
Торопится. Стучит своей клюкой.
В темнице было лучше...
А свобода –
Смешная блажь прошедших юных лет.
Там, все-таки, надеялся на что-то,
А здесь, увы, надежды этой нет!

Сейчас вокруг просторно...
Для страдания.
Но эту ли свободу я искал?
Суров и горек черствый хлеб изгнания, -
Так, кажется, в стихах своих писал.
Всю боль мою не выразить словами.
Как жизнь скучна и тяжок мой удел!
Смотрю на мир ослепшими глазами...
И слава богу,
Он мне – надоел!

Поэт

Пусть рот кривит в гримасе он
Или не так стихи слагает,
Не говори: «Поэт смешон», -
Смешных поэтов не бывает!
За детский выпад не вини, -
Не все из нас взрослеют рано.
К нему ты в душу загляни:
Там просто бездна океана!
Он не оставит яркий след,
И ждет его почти что Лета, -
А между тем добрее нет
И благодарнее поэта!

Узник. Памяти Н. Морозова

Николай Александрович Морозов - русский поэт, писатель, ученый, революционер (25 июня (7 июля) 1854 — 30 июля 1946)

На стены мрачные темницы
Не лег ни разу луч денницы,
Чтоб подарить мне яркий свет
За тридцать долгих, страшных лет,
Что я провел здесь, как в могиле,
Подвластный злобной царской силе
За то, что бедный наш народ
Я звал войною на господ.
Но я презрел лихую долю, -
Стеснили тело, а не волю!
Сквозь щель оконца, в вышине,
Кусочек неба виден мне.
И я шепчу все эти годы:
«Вот знак надежды, знак свободы!
Так прочь же бремя тяжких дум!
Крепи свой дух!
Возвысь свой ум!»

На земле воронежской. Памяти А. Кольцова

Алексей Васильевич Кольцов — русский поэт (3 [15] октября 1809 — 29 октября [10 ноября] 1842)

На земле воронежской,
Средь степного края,
Жил-был добрый молодец,
Песни сочиняя.
Торговал, прасольничал
С детских лет умело,
А душа высокая
В небеса глядела.
Ему счастье грезилось
Днем и ночью зыбкой,
Полюбил он девицу
С нежною улыбкой.
Ей слова заветные
В сердце приготовил,
Только родный батюшка
Всю любовь расстроил.
Не сбылось, не сладилось
По велению злому,
Приглянулась девица
Молодцу другому.
Замуж за немилого
Вышла через силу,
Да и схоронилась
От него в могилу.
Как ты, горе горькое,

Давишь человека!
Грусть с тоской в товарищах
У тебя от века.
Людям не навязано,
Только, тем не менее,
От тебя нет роздыха,
Нет и спасения!

На земле воронежской,
Средь степного края,
Жил-был добрый молодец,
Отдыха не зная.
За троих работая,
Думать не ленился
И с большим старанием
Грамоте учился.
От трудов бесчисленных
Не зажить богато,
Не было у молодца
Серебра и злата.
Его сердце нежное,
Что весь мир любило,
Да стихи душевные, -
Вот и все, что было!
От беды, от горести
Он совсем извелся,
Но, на жизнь не жалуясь,
С бедностью боролся.
В той борьбе отчаянной
Силы изменили,
Зло и равнодушие
Молодца сгубили.
Не хвались талантами,
Не хвались казною, -
Ходит горе-горюшко
Об руку с бедою.
По России-матушке
Груз тяжелый носит,
С бедного ль, с богатого
Свою долю спросит.

На земле воронежской,
Средь степного края,
Жил-был добрый молодец,
Волюшки не зная.
Тосковал, печалился
Он по ней немало,
Крылья соколиные
Жизнь ему связала.
Словно в клетке узника,
Молодца травили,
Душу горемычную

Радости лишили.
Одного да с горюшком
Люди не чужие
Толковать оставили
В годы молодые.
Так живешь-работаешь,
Пуп свой надрываешь,
А потом от хворости
Помирай как знаешь!..
Над травой-ковылою
Ветер завывает,
А от песен молодца
Эхо умолкает.
От тоски нахлынувшей
Болью сердце млеет,
Горе гореванное
Нас не пожалеет.
Как устанешь мыкаться
По родному краю,
Тут и жизнь закончится...
А была ль? – Не знаю.

Перстень. Памяти Д. Веневитинова

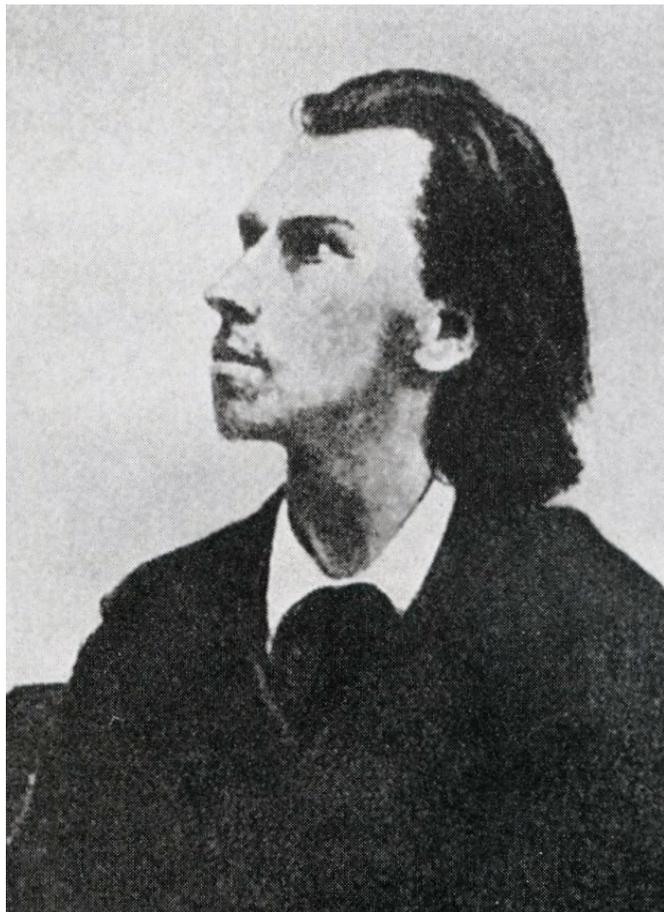

Дмитрий Владимирович Веневитинов (14 (26) сентября 1805, Москва — 15 (27) марта 1827, Санкт-Петербург)
— русский поэт-романтик, переводчик, прозаик, философ

Она пленяла высший свет,
И взгляд ее ночами снился.
Прекрасный юноша-поэт
В нее без памяти влюбился.
Он к ней на крыльях прилетал, -
Но жизнь его с высот низвергла.
Он письма нежные писал, -
Она ж любовь его отвергла!
«Твои мне слезы – ни к чему», -
Она прощаясь говорила
И в утешение ему
На память перстень подарила.
«Меня», - сказала, - «не тревожь,
Ведь ты с другою жизнь поделишь;
Когда к венцу ты с ней пойдешь,
Тогда подарок мой наденешь».
Ах, этот перстень, говорят,
Изнемогающий, как рана,
Был из могилы древней взят
У стен потухшего вулкана.
С ним гордый римлянин лежал,
Горячей лавою сожженный,

И руку милой он сжимал
В последней ласке затаенной...
С тех пор поэт затосковал,
Любви и радости не зная,
И, свой предчувствуя финал,
Друзей собрал он умирая.
И перстень древний, что хранил
Близ сердца он, теряя силы,
Надеть на палец попросил
У края собственной могилы...
Так умереть во цвете лет,
Не пересилив злую долю,
Мог только истинный поэт,
Но я здесь вывод свой позволю:
Стихии грозной не перечь,
Мой друг, влюбленный и любимый,
Но так же сердце может сжечь
Огонь любви неукротимый.
Его ты бережно храни,
Но с осторожностью признаться,
Чтоб не пришлось из-за любви
С коварной смертью обвенчаться!

Как прошла от водки рвота... Памяти К. Фофанова

Константи́н Михаи́лович Фо́фанов (18 (30) мая 1862 — 17 (30) мая 1911), русский поэт

Как прошла от водки рвота,
Он в притоне, напоказ,
Сигарету у киота
Прикурил, свой щуря глаз.
А потом, стихи читая,
Вдруг смирился и затих, -
И была в них боль святая,
Будто ангел дунул в них!
От стихов щемящих этих
Смолкли выкрики и смех,
Только лишь жена и дети
Пили водку без помех.
А поэт с душою пылкой,
Испаливший жизнь дотла,
Посмотрел на них с ухмылкой —
И свалился у стола.

Разум. Памяти К. Батюшкова

Константин Николаевич Батюшков (18 [29] мая 1787 — 7 [19] июля 1855), русский поэт, боевой офицер

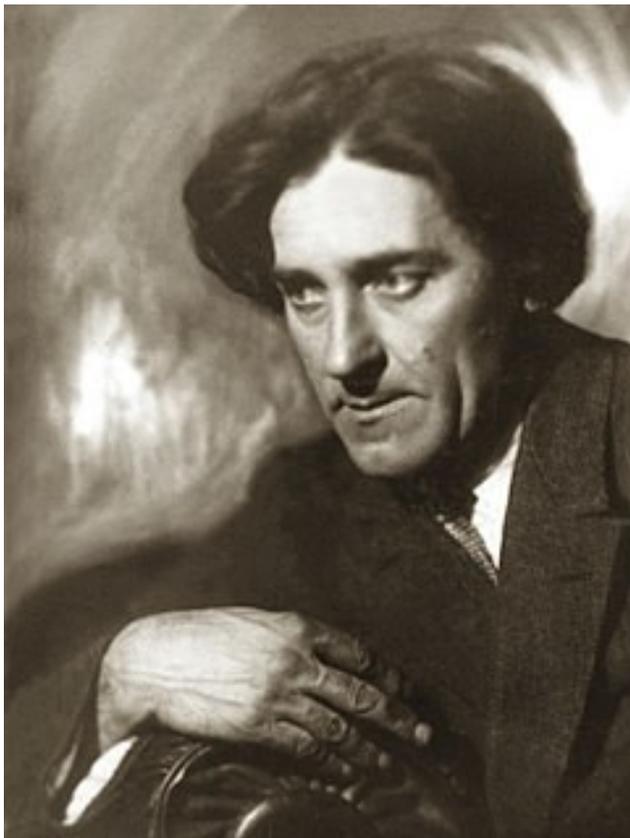
Поэта мучили сомненья, -
Он их подчас и не скрывал.
Писал и рвал свои творенья,
И вновь писал... и снова рвал.
Скитаясь в поисках блаженства
И начиная уставать,
Стихам хотел он совершенство
Недостижимое придать.
Над мрачной бездною – из строчек
Поэт к потомкам строил мост,
Чтоб он,
Прекрасный днем и ночью,
Был ярче солнца, выше звезд.
Ах, эти юность и беспечность! –
Они присущи в жизни нам,
Но беспощадна злая вечность
К поступкам нашим и делам.
Мы к ней прильнем,
Лишь на минутку, –
И тут же вянем, как цветы.
На тонкой ниточке рассудка –
Все наши грезы и мечты.
Здесь каждый день страданья множит
И мрак нахлынувший – жесток...

Как страшен мир твой "светлый",
Боже!
Как хрупок разум-огонек!

Былой свободы для желаний
Уже не будет никогда,
Лишь тяжкий бред воспоминаний
Его тревожит иногда.
И шум доносится до слуха
Кровавой схватки на войне,
И отдаленный голос друга
Он слышит в жуткой тишине.
О, как же он тогда тоскует!
Как хочет видеть милый прах!
И крест могильный вновь рисует,
В чужих затерянных краях.
Судьбу клянет он от бессилья,
В тисках страданья своего:
Чем обрезать поэту крылья,
Уж лучше б жизнь взяла его!
И входит в мозг опять безумье,
Прогнав свет разума с лица...
В тревожном блеске полнолуния
Поэт похож на мертвеца!

Избавить разум от сомненья
Нам не удастся все равно:
На что дано нам вдохновенье?
И что дает нам всем оно?
Мы жаждем света и свободы,
Но не становимся добрей, -
И просвещенные народы
Ничуть не лучше дикарей!
Времен новейших недостойны,
Мы, забывая про любовь,
Ведем опять все те же войны,
Все так же льем людскую кровь,
Чтоб, торжествуя на могилах,
Построить рай свой на песке...
Ответа разум дать не в силах –
И замыкается в тоске!

Сорочье царство. Памяти С. Клычкова

Сергей Антонович Клычков (1 [13] июля 1889 - 8 октября 1937), русский поэт, прозаик и переводчик, участник Первой Мировой войны

Сорочье царство

Поэт, увы, не грозный витязь,
Хотя и сильным может быть.
Поэта так легко обидеть,
Поэта так легко убить!
Но мир его не слышит стона
И не печалится о том,
Что ослабела оборона
За поэтическим "щитом".
А где-то есть сорочье царство, -
И сердцу верится, что есть, -
Там нет привычного мытарства
И счастливы и дол и весь,
Там смерть не явится до срока
И тать не шарит по углам...
А голова всему – сорока
И заяц – верный её зам.

Дубравна

Из городского шума, чада
Спешу туда, где тишину

Торжественно и величаво
Стряхает лес с ветвей в Дубну,
Чтоб ей поить немые дали...
Там можно жить за годом год,
Не зная страха и печали,
Не зная горя и забот.
Пусть мир навис тяжёлой глыбой,
Но тих и бережен мой дом.
Плывёт луна белёсой рыбой
В полночном небе за окном.
Поднявши голову с подушки,
Гоню я сон дурной с лица.
Стоят деревья, как подружки
Шалуњи-дочки, у крыльца,
Где ночь глуха, - и это славно:
Она покой души хранит.
Моя жена, моя Дубравна,
Раскинув руки, крепко спит.

В окопах

Между нами – гладь речная,
Сверху – звёздные огни.
Диспозиция простая:
Тута – мы, а там – враги.
Хоть в чинах я самых нижних,
Но кумекаю подчас:
От сохи мы все, и книжных
Нет героев среди нас.
То гроза шугнёт для пробы,
То шрапнель поднимет вой, -
Завели всех нас в окопы,
Как скотину на убой.
Я сухарь мочу слюною –
И ему безмерно рад,
А мой недруг за рекою
Уплетает шоколад.
А луна – как баба в теле,
А на сердце – черный крест...
Если немец не застрелит,
Значит, вша меня заест!

Древние книги

Распластался сумрак тонкий, -
И привиделся на миг
Рай земной в родной сторонке,
Как привет от древних книг.
Все – как там: и купол неба,
Издающий нежный звон,
И по избам – горы хлеба,
И реальность – лунный сон.

И всемирная соборность,
И гармония вокруг,
И во всем – людская гордость,
А гордыни нет, мой друг...
Только стало всё как прежде
И печальнее уже,
Потому что нет надежде
Места прежнего в душе.
Вместе с кровью из-под розог
Она бросит нас навек,
Потому что – "зрячий" посох,
Да незрячий человек...
А те книги, – люди знают,
Что блуждали в старине, –
Зайцы серые листают
Под кустами в тишине;
А потом те книги прячут
За незримый окоём, -
И сидят, и горько плачут
Все о заячем, своём.

Лель

Жил поэт, к природе чуткий,
В русском маетном краю,
И весёлой прибауткой
Вышивал он речь свою.
Был он славен верой древней,
Была жизнь его проста,
Но ушел поэт деревни
Без могилы и креста.
По злой воле «басурманской»
Кости бросили истлеть,
А ведь смертью христианской
Он хотел бы умереть!
Но такая в жизни проза,
Что не волен человек
После пашни иль покоса
Без тоски свой кончить век...
Есть в небесном хороводе
Мир, неведомый досель, -
Там всё так же в поле ходит
Синеглазый русский Лель.

Горе-гореваньице. Памяти Кирши Данилова

Кирша Данилов (Кирилл Данилов, Кирило Данилов Никитиных) (1703—1776) — молотовой мастер Невьянского завода Демидовых, музыкант и сказитель, составитель первого сборника русских былин, исторических, лирических песен, духовных стихов

А и горе мое, гореваньице,
Веселó ль тебе жить с горьким пьяницей,
Да над ним-то шутить шутки разные,
А и горе мое неотвязное?
Ты ни свет ни заря просыпаешься,
Надо мною стоишь, ухмыляешься,
Поднимаешь меня на работушку,
Даже хворого,
В непогодушку.
Видеть, горе, тебя – мало радости:
Сплю я – давишь на грудь со всей тяжести,
Днем же ездить на мне ты не ленишься, -
От такого тебя куда денешься?
Нету в доме добра,
Нет и милушки,
А с работы иду – нету силушки.
Только лишь в кабаке жизнь меняется,
Только лишь в кабаке отдыхается...

Мы сидим за столом, оба – пьяницы:
Я и горе-т мое, гореваньице.
Ты к земле меня гнуть не пытаешься,
А, винца мне налив,
Ухмыляешься!

Предсмертие. Памяти М. Цветаевой

Марина Ивановна Цветаева (26 сентября [8 октября] 1892, Москва — 31 августа 1941, Елабуга) — русская поэтесса Серебряного века, прозаик, переводчица

Полынь

Ждет палач на площади,
Головы рубя.
Может, было проще бы
Пожалеть себя, -
И, набравшись мужества,
Камнем пасть на дно...
Рушится, все рушится...
Рухнуло давно!
Жизнь судьбой изломана,
Сбита на лету
Средь людского гомона
Слушать пустоту.
По углам рассовывать
Прах былых твердынь,
Доживать-дожевывать
Горькую полынь!

Мольба

Заплачу? – Нет!
Не засмеюсь.
Поверю в бред –
И не очнусь.
Твой вижу лик.
Твой резов конь.
К тебе – велик! –
Тяну ладонь.
Сомкнув уста,
Иду во тьму.
Рука пуста.
Но почему?
Дай жизни для
Кусок еды!
Я из ручья
Напьюсь воды.

Предсмертие

Мир неоправданно жесток!
И рядом нет друзей.
Крюк,
Прочно вбитый в потолок
Над головой моей,
Напоминает мне о том,
Что в жизни мне – не встать!
Когда-то, видимо, на нем
Качала зыбку мать.
Была в душе – такая тишь!
И гром гремел в стране.
А в зыбке рос и креп малыш,
Чтоб сгинуть на войне.
А может, он пока что жив,
Как жив и ты, сынок!
Душе, под пыткой на разрыв,
Никто помочь не смог.
Мой муж и дочь моя – в тюрьме,
Стихи – давно не в счет.
Живи ж, родной,
На радость мне,
А я здесь – лишний рот!
За жизнь без матери любя, -
Сироток жалко, ведь, -
Накормит кто-нибудь тебя
И сможет обогреть!

Касатка. Памяти С. Есенина

Сергей Александрович Есенин (21 сентября (3 октября) 1895 - 28 декабря 1925), русский поэт

Касатка

В сонме пьяных сутолок
Не найти ответа.
Все смешалось-спуталось
В голове поэта.
Ищет, бьется, мается, -
Только вот напрасно.
Детство вспоминается,
Что глядит за прясло.
Превратили мерзкие
Каменные джунгли
Дали деревенские
В золотые угли.
С горькой славой смолоду
Жить совсем не сладко.
Мечется по городу
Ласточка-касатка.

Высоко ли, низко ли,
Над «травой» железной,
Ищет душу близкую,
Ждет любви небесной.
Но мечтою праздничной
Вновь себя обманет
И привычной ласточкой
Городской не станет
С воли залетевшая
В злых стенах томиться,
Как и все мы,
Грешная, -
Ангельская птица!

Шарф

Жар души напрасный,
В сердце – маета.
Шарф кроваво-красный,
Как твои уста.
Ты, когда не стерпишь
Ночи ледяной,
Мнешь его и треплешь
В пляске роковой.
Жжет тебя желанье,
Главное в судьбе...
Не любовь – названье
У меня к тебе.
День за днем тоскую,
Молодость губя.
Я искал другую,
Только не тебя!..

Сердцу уж не больно,
Пляски шум затих.
И лежит безвольно
Возле ног твоих
Жуткий и бесстрастный,
Гибкий, как змея,
Шарф кроваво-красный...
Или это... я?!

Памяти Ф. Тютчева

Фёдор Иванович Тютчев (23 ноября [5 декабря] 1803, Овстуг, Орловская губерния — 15 [27] июля 1873, Царское Село) — русский лирик, поэт-мыслитель, публицист, дипломат

За границей

На горизонте брезжил свет.
Лежал исписанный листок.
Смотрел великий наш поэт
На пламенеющий восток.
В баварском городе, на Рейне,
Твердил, как видно, неспроста
В беседах с Шеллингом и Гейне
Он про родимые места.
Конечно, здесь – почти что рай,
И месяц ластится к волнам.
Здесь «чудный вид и чудный край»
И вольно дышится... а там?

В своих стихах писал: не мИла, -
И, впрямь, убогою была.
Да только родина манила!
Да только родина звала!
Судьба такая на веку
И над душою русской власть:
Не мог к чужому роднику
Он до беспамятства припасть.
Служил в посольстве «мелкой сошкой»
И к чину скромному привык.
Жалел об этом? – Да, немножко...
Поэт не знал, что он – велик!

На балу

Вел «высший свет» пустые разговоры,
И скука обволакивала зал.
Вошел поэт, притягивая взоры
И что-то искрометное сказал.
И в этот миг все сразу оживилось...
И стало вдруг так тихо оттого,
Что чувство сопричастности родилось
К негромкой гениальности его.
Летела шутка радостно по залу,
Уже близка и каждому и всем,
А он смотрел печально и устало,
Не замечая этого совсем.
Седой старик, он думал: песня спета,
Хоть ум его по-прежнему востер...
Глухая ночь была в душе поэта,
А в ней горел немеркнувший костер.

У могилы Денисьевой

Поэт – один в холодный поздний вечер.
Тревожит память, - видно, не к добру.
Небрежно шуба брошена на плечи, -
И волосы седые на ветру.
Пришла пора осеннего ненастья,
И горькой правды сердцу не избыть.
Любовь – беда, похожая на счастье,
Но ею душу можно отравить.
Безгрешных нет людей под небесами.
Вот так и он однажды согрешил,
Когда назвал всех женщин божествами
И перед ними голову склонил.
Упрек молвы оставив без ответа,
Он выбрал наихудшую из доль...
Любовь была надеждой для поэта,
А принесла страдание и боль.
Нелепой жизни сломана пружина
Под бременем бушующих страстей...

Ах, Леля, Леля, в этом ты безвинна,
А он – виновник участи твоей.
Стоит поэт, и все ему не мило, -
Осталось ждать лишь часа своего.
Пред ним – одна печальная могила,
А позади... уж больше ничего!

В Овстуге

Старинный садик. Липы в три обхвата.
Угрюмый ветер бродит по кустам.
О, Господи, как он любил когда-то
Бродить по этим памятным местам!
Терзают мысли каждое мгновенье,
Грудь холодит мертвеющая кровь.
И нет нигде душе успокоенья,
И не спасает прежняя любовь.
Ему и здесь теперь уже не спится, -
И как страшна глухая эта тишь!
От суеты людской сумел он скрыться,
Но от себя, увы, не убежишь.
Душа в броню отчаянья одета,
И давит груз незримых горьких слез.
А сад глядит на старого поэта,
Как «смутный призрак легких детских грез».

Солнце. Памяти К. Бальмонта

Константин Дмитриевич Бальмонт (3 [15] июня 1867, село Гумнищи, Шуйский уезд, Владимирская губерния, Российская империя — 23 декабря 1942, Нуази-ле-Гран, Франция), русский поэт-символист, переводчик и эссеист

Он подошел, кряхтя, к оконцу,
Край шторы сдвинул с бахромою, -
Поэт хотел увидеть солнце,
Но видел тучи над землею.
Когда все мысли были здравы,
К нему являлось вдохновенье, -
Он был велик в зените славы,
А нынче предан был забвенью.
Бахвальство, выпренность, бравада, -
Поэт не должен в том виниться.
Ему как в бездну падать надо,
Чтоб высотой насладиться...
Тогда в его стояло планах
Наполнить мир небесным светом...
Он побывал во многих странах –
И потерял свою при этом.
Изгнанник Родины великой
В годину страшную, лихую
В стихах кричал от боли дикой:
«Не умер. Нет. Я жив. Тоскую...»
В одной клетушке тесной сжались
И жизнь его, и вся планета,
Но блики солнца отражались
В глазах безумного поэта.

Декабрьский дождь стучал упрямо
По крышке гроба ледяной,
И свежеврытая яма
Была заполнена водой.
Как будто плакала природа,
Что был так жалок перед ней
Творец,
Угасший без народа,
Без поклоненья, без друзей...
Шептал он мертвыми устами
Слова, которым нет цены;
Его толкали вглубь шестами,
Но гроб всплывал из глубины.
Лежать пристало ли поэту
И свой в могиле прятать стих? –
Он рвался к солнцу,
Рвался к свету,
Как ни один из нас – живых!

Бунтарь. Памяти В. Маяковского

Владимир Владимирович Маяковский (7 [19] июля 1893, Багдати, Кутаисская губерния — 14 апреля 1930, Москва) — русский советский поэт

Под свист и топот,
смех и брань
ты,
как и он,
на сцене встань, -
и сам поймешь,
коль ты – поэт,
что ничего
труднее нет,
чем в тот момент,
как бьют под дых,
читать
свой самый лучший
стих!

Поэт-бунтарь
не нужен власти,
пока он жив
и живы страсти.
В толпу
бросая их,
как бомбу,
поэт-бунтарь
подобен тромбу,

который,
даже пусть отчасти,
мешает биться
сердцу власти!

В словесных битвах,
с мощью хлесткой,
поэт на сцене выступал,
а сам внутри
был мягче воска,
но мало кто
об этом знал!
Он был напорист
в роли «глыбы»
и для кого-то
слишком груб...
«А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?»

«Попутчик»

Почему? –
Нет ответа.
Да и нужен ли он?
Заклевали поэта
С самых разных сторон.
Пересилили силу.
Ослабела гортань.
Надорвал свою жилу
Горлопан и бунтарь.
Может, просто усталость
От тяжелых минут, -
Но на миг показалось,
Что пропал его труд.
Что по мысли мещанской,
Чьим-то выкрикам злым,
С родословной дворянской
Он не будет своим...
Он метался устало,
Горяча свою кровь, -
Но ничто не спасало...
Не спасла и любовь!
Почему? –
Нет ответа.
А все вымыслы – вздор.
Но рукою поэта
«Был потушен костер»!